

Какимъ же образомъ «ученію» гр. Толстого», являющемуся непосредственно послѣ этого переворота, хотятъ отвести мѣсто чуть не въ исторіи «философскихъ системъ», съ которыми оно рѣшительно не имѣетъ ничего общаго? *) Пытается ли оно построить полное, болѣе или менѣе связанное объективное міросозерцаніе? дать новыя основанія знанію, наукѣ? Ничуть не бывало.

Въ основаніи его одно желаніе: отвѣтить на потребность въ личномъ успокоеніи, разрѣшить загадку личной индивидуальной жизни... Въ проповѣдуемомъ имъ идеалѣ новой жизни, съ *положительной* стороны, вы не найдете ничего, что было бы пригодно для васъ, для вашей семьи, знакомыхъ; онъ лишь прироченъ для нашедшаго его, такъ какъ въ проповѣдуемомъ имъ *pro domo suo* идеалѣ есть все, нужное ему самому, но очень мало, почти ничего нужнаго и, главное, — доступнаго для всѣхъ... Ему, просто, говоря вульгарно: *выгодно*, ново, пріятно, замѣнить *исжитую* жизнь новою, которая для него уже — жизнь № 2. Исжитая гр. Толстымъ жизнь № 1-й, это — жизнь исключительнаго эстетика, жизнь его круга людей, жизнь того сумасшедшаго «Крапивенскаго мужика», о которомъ гр. Толстой самъ говоритъ, что видитъ въ немъ, какъ въ зеркалѣ, себя и свое сословіе, и для котораго весь смыслъ этой жизни

*) Г. Оболенскій въ «Русскомъ Богатствѣ» особенно много потрудился на возведеніе гр. Толстого то въ «наши російскіе «Фаусты», то въ олицетвореніе какой-то «стадіи прогресса», духа времени и т. п. Особенно любопытно открытіе, которое онъ недавно («Рус. Богат.», Июнь, 1888 г. «Дневникъ читателя») сдѣлалъ, разбирая романъ «Три теченія» г-жи Шабельской; изъ того, напр., что Лидія (одна изъ героинь этого романа), незная о теоріяхъ гр. Толстого стремится къ естественному труду на чистомъ воздухѣ, онъ заключаетъ, что «въ этомъ лучшее доказательство, что стремленіе въ деревню, стремленіе «опроститься» не есть результатъ идей какого либо писателя, а результатъ духа времени, стадія прогресса. *Самъ гр. Толстой есть только одинъ изъ выраженій этого движенія* (стремленія къ землѣ)»